

• лучшая новая книжка •

Мария ПАРР

ТОНЯ
ГЛИММЕРДАЛ

• издательский дом самокат •

Лучшая новая книжка

Мария Парр

Тоня Глиммердал

«Самокат»

2009

Парр М.

Тоня Глиммердал / М. Парр — «Самокат», 2009 — (Лучшая новая книжка)

ISBN 978-5-9175-9417-0

Девочка Тоня по прозвищу «гроза Глиммердала» – единственный ребенок в норвежской глухой деревушке. Тоне десять лет, у нее есть снегокат и твердая уверенность в том, что главное в жизни – «скорость и самоуважение». Когда она мчится с гор, распевая во весь голос и сверкая рыжей копной волос, вся деревня знает, что едет самый главный человек в долине. А еще у Тони есть лучший друг – старик Гунвальд, который печет для нее кексы и играет ей на скрипке. «„Гунвальд, что бы ты делал без меня?“ – часто спрашивает Тоня. „Я бы сам закопал себя в землю и сдох“, – отвечает Гунвальд». «Тоня Глиммердал», новая книга Марии Парр, уже известной российскому читателю по повести «Вафельное сердце», рассказывает о настоящей дружбе. И о том, что иногда дети оказываются намного мудрее взрослых, помогая им примириться со своим прошлым и радоваться настоящему.

ISBN 978-5-9175-9417-0

© Парр М., 2009

© Самокат, 2009

Содержание

Письмо	7
Глава первая,	9
Глава вторая,	14
Глава третья,	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мария Парр Тоня Глиммердал

Maria Parr
TONJE GLIMMERDAL

Книга издана при финансовой поддержке норвежского фонда NORLA (Норвежская литература за рубежом)

© Det Norske Samlaget 2009

Norwegian edition published by Det Norske Samlaget, Oslo

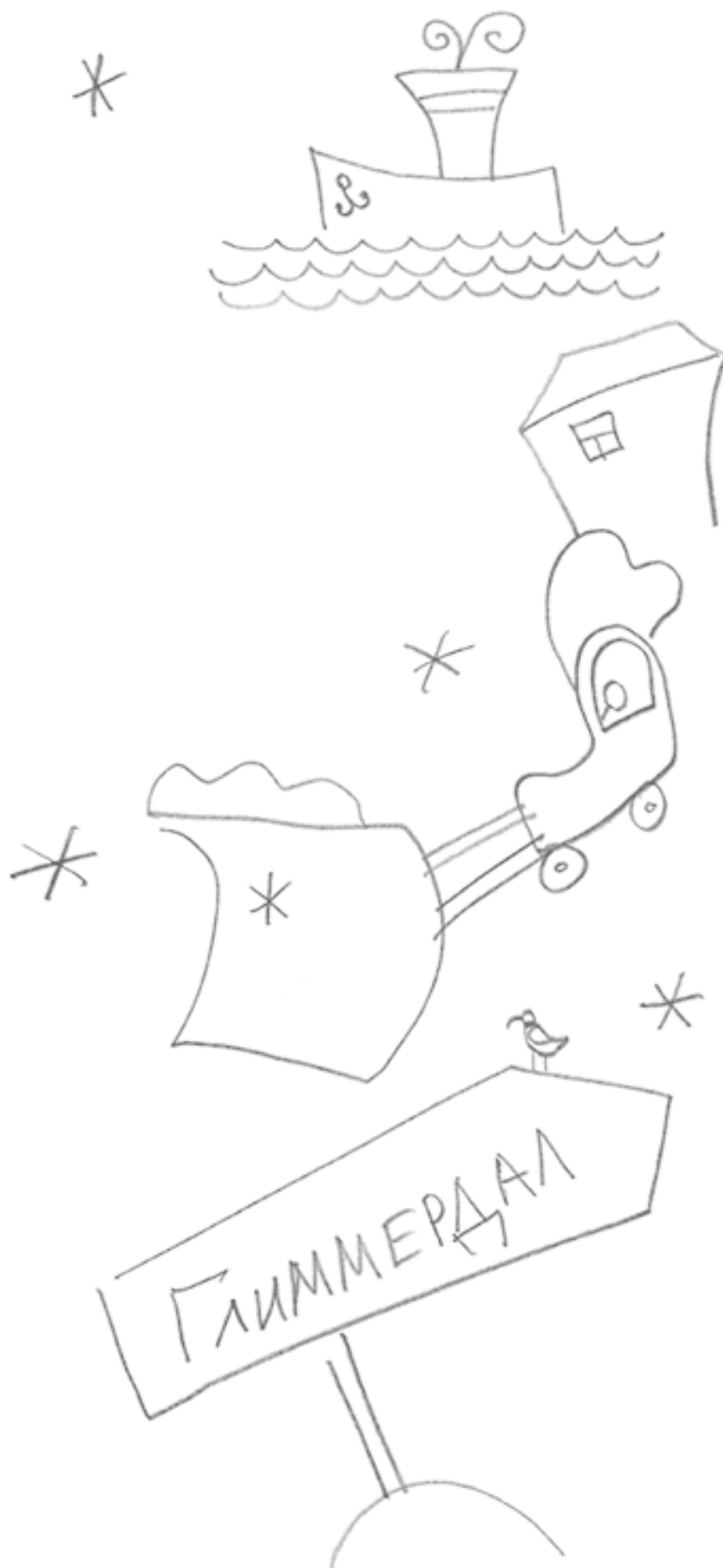
Published by agreement with Hagen Agency AS, Oslo

© Дробот О., перевод, 2011

© Бухаров О., иллюстрации, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом „Самокат“», 2011

* * *

Письмо

Едва ты сойдешь с корабля на пристани внизу, как сразу почувствуешь ветер Глиммердала. Даже сейчас, в зимние холода, ты его непременно различишь. Просто прикрой глаза. Он пахнет соснами. И елками. А теперь – вперед.

Тебе нужно идти прямо, никуда не сворачивая, мимо закрывшегося киоска, магазина, парикмахерской Тео и дальше всё время вдоль реки.

Поначалу дорога довольно ровная и попадаютя дома. Возле одного из крайних стоит экскаватор. Здесь живут Петер с мамой.

Потом снега и леса станет больше, а домов меньше. Дорога сделается вдвое ужже и вдвое круче.

Очень может статься, ты усомнишься, туда ли идешь (если сомнения не одолели тебя раньше). Но всё в порядке. Едва ты так подумаешь, как сразу увидишь указатель. «Глиммердал» – написано на нем. Ты идешь, как ни странно, правильно.

После указателя первым появится кемпинг. Слушай меня внимательно. Ни за какие коврикжи туда не заходи! Не послушаешья – пеняй на себя. Не говори потом, что тебя не предупреджали. Клаус Хаген, владеец кемпинга «Здоровье», такой противный человек, что похорошему его надо бы засунуть в стиральную машину и прополоскать ему мозги. Он не понимает шуток и ненавидит детей, особенно если они издают звуки, особенно громкие. А уж если дети разобьют из рогатки окно в кемпинге (не нарочно, само собой), то их он ненавидит лютой ненавистью! Ребенок, разбивший окно, тоже Хагена не любит, если уж хотите знать правду. Случается, ночью она лежит и думает, не разбить ли еще одно.

Так что если у тебя на плечах голова, в кемпинг лучше не суйся.

За кемпингом лес, снег пригибает ветки почти до головы. Кое-кто называет этот лес Сказочным. За лесом стоит зеленый дом Салли, он на сказку совсем не тянет. Лиловые букли самой Салли виднеются за горшиками в гостиной. Салли тебя уже заметила. Она всегда на посту и всё видит. Будь ты мышкой в маскировочном халате, ты и тогда не проскользнешь мимо ее домика незамеченным. Вздремнуть после обеда она не ложится.

Благополучно миновав дом Салли, ты наконец увидишь мост через реку Глиммердалсэльв. Если перейти на ту сторону и подняться вверх по крутому взгорку, там будет хутор¹ Гунвальда. А если не переходить мост и пойти в горку влево, придешь на хутор Тони и ее семейства. Других хуторов здесь в предгорьях нет.

Ну вот – ты в Глиммердале. Добро пожаловать!

¹ Норвежский хутор – это большой двор, в центре которого растет высокое дерево, а по периметру стоит много домов и домиков: жилой дом, хлев, сарай, кладовка, гараж, часто еще какие-нибудь домики – прачечная, например. Обычно все дома окрашены в красный цвет, а на крышах часто бывает мох с травой.

Глава первая, *в которой Тоня едва не делает сальто на лыжах*

Холодными февральскими днями в Глимердале очень тихо. Река не бурлит, она скована льдом. Птицы не щебечут, они улетели на юг. Даже овец не слышно, они заперты в хлеву. Кругом только белый снег, темные ветки и высокие молчащие горы.

Но посреди всеобщей безмолвной белизны чернеет точка, которая собирается как раз сейчас нарушить тишину воплями. Черная точка стоит на горе Зубец в начале длинного и очень крутого лыжного спуска. Точку зовут Тоня Глимердал. Папа ее держит хутор в долине Глимердал, а мама изучает море далеко на море. У Тони грива рыжих львиных кудрей. На Пасху ей исполнится десять. Она собирается отпраздновать юбилей так, чтобы горы пустились в пляс.

Клаусу Хагену, владельцу кемпинга «Здоровье», который так не любит детей, вроде бы грех жаловаться. Во всем Глимердале всего один ребенок. А вынести одного ребенка, казалось бы, по силам даже Клаусу Хагену. Но нет. Как раз таких детей, как Тоня Глимердал, Клаус Хаген на дух не выносит. Что-то в ней есть такое... Короче, постояльцы кемпинга «Здоровье» с первого взгляда понимают, что главная в Глимердале – Тоня, а у Хагена просто

кемпинг в ее долине. К счастью, маленькая повелительница Глимердала гостеприимна даже сверх меры.

– Тоня, тебе на лбу надо бы написать «Добро пожаловать!», – сказала однажды тетя Идун.

Зимой следы Тони и ее лыж покрывают зигзагами весь Глимердал из конца в конец.

– Я отпустил ее утром на выпас и жду, что она вернется к вечеру, – отвечает папа Сигурд, когда заглянувшие на хутор соседи спрашивают его, куда он подевал свою дочь, а об этом в Глимердале спрашивают всегда.

«Гроза Глимердала» – вот как называют Тоню.

Тоня переступает так, чтобы концы лыж смотрели строго на гребень Стены – отвесной скалы. Сегодня последняя пятница перед каникулами, их рано отпустили из школы, и сейчас еще светло.

– Зимние каникулы – хорошая штука, – говорит Тоня самой себе. – Зимние каникулы и катание с гор.

Спуск к Стене очень крутой. Настолько, что Тоне, стоящей в его начале, нелегко заставить себя тронуться с места, но с другой стороны – так всегда делают тетя Идун и тетя Эйр, когда приезжают домой на Пасху: они стартуют отсюда, с горы Зубец, и несутся на бешеной скорости, так что белая пена снега стоит за ними, как шлейф невесты. С гребня отвесной Стены они прыгают как с трамплина и летят высоко-высоко. Тетя Эйр вдобавок делает сальто.

– Мне для жизни нужны две вещи, – говорит тетя Эйр, – скорость и самоуважение.

Тоня считает формулу тети Эйр очень мудрой. И в отсутствие теток, пока они учатся в Осло, упражняется в вещах, связанных со скоростью и самоуважением.

Но есть одно железное правило: Тоня Глимердал не делает даже простейшего прыжка на лыжах, если Гунвальд не следит за ней в бинокль из своего окна. Во-первых, что за радость прыгать, когда никто на тебя не смотрит? А во-вторых, хорошо, чтобы кто-нибудь мог позвонить в Красный Крест и вызвать спасателей, если она приземлится так, что встать уже не сможет. Дом Гунвальда довольно далеко от горы Зубец, зато у Гунвальда мощный бинокль. Тоня скидывает руки и машет, показывая, что готова к старту.

Тишине в Глимердале приходит конец.

Тоня летит. Ни разу прежде она не успевала пропеть так много из «Пера-скрипача» во время прыжка. Неслабо, однако, – почти целый припев! Если бы она умела делать сальто, как тетя Эйр, то успела бы сделать три.

«Но сальто я пока делать не умею, а жалко», – думает Тоня, продолжая лететь. «Или уже умею...» – думает она, потому что замечает, что голова у нее там, где должны быть ноги, а ноги – там, где обычно бывает голова.

Наконец, после совершенно замечательного затяжного полета, Тоня шмякается в снег, как шоколадная фигурка в кремный торт. Кругом бело и холодно, Тоня лежит и не знает, жива она или нет. О том же наверняка тревожится сейчас у своего окна Гунвальд. Тоня лежит неподвижно. Потом слышит звук – стук своего сердца. Тогда она осторожно трясет головой, чтобы ее содержимое улеглось на место.

«Это было сальто или нет?» – думает она.

Глава вторая, в которой Гунвальд и Тоня разговаривают о том, как было раньше

Дом, в котором живет Гунвальд, очень-очень большой.

У Гунвальда есть хлев и овцы, как и у Тониного семейства, только с его овцами непрерывно случаются неприятности. То они сбегают, то мрут, то объедают тюльпаны Салли. Счастье, что у Гунвальда при этом есть еще столярная мастерская. Благодаря ей он может наслаждаться старостью и попридержать пенсию. Гунвальду семьдесят четыре года, и он лучший Тонин друг.

– Неслабо, однако, – говорит Тоня в мрачные минуты, – закадычный друг у меня – упрямый старый пень. Всё же выбор в Глимердале прискорбно мал.

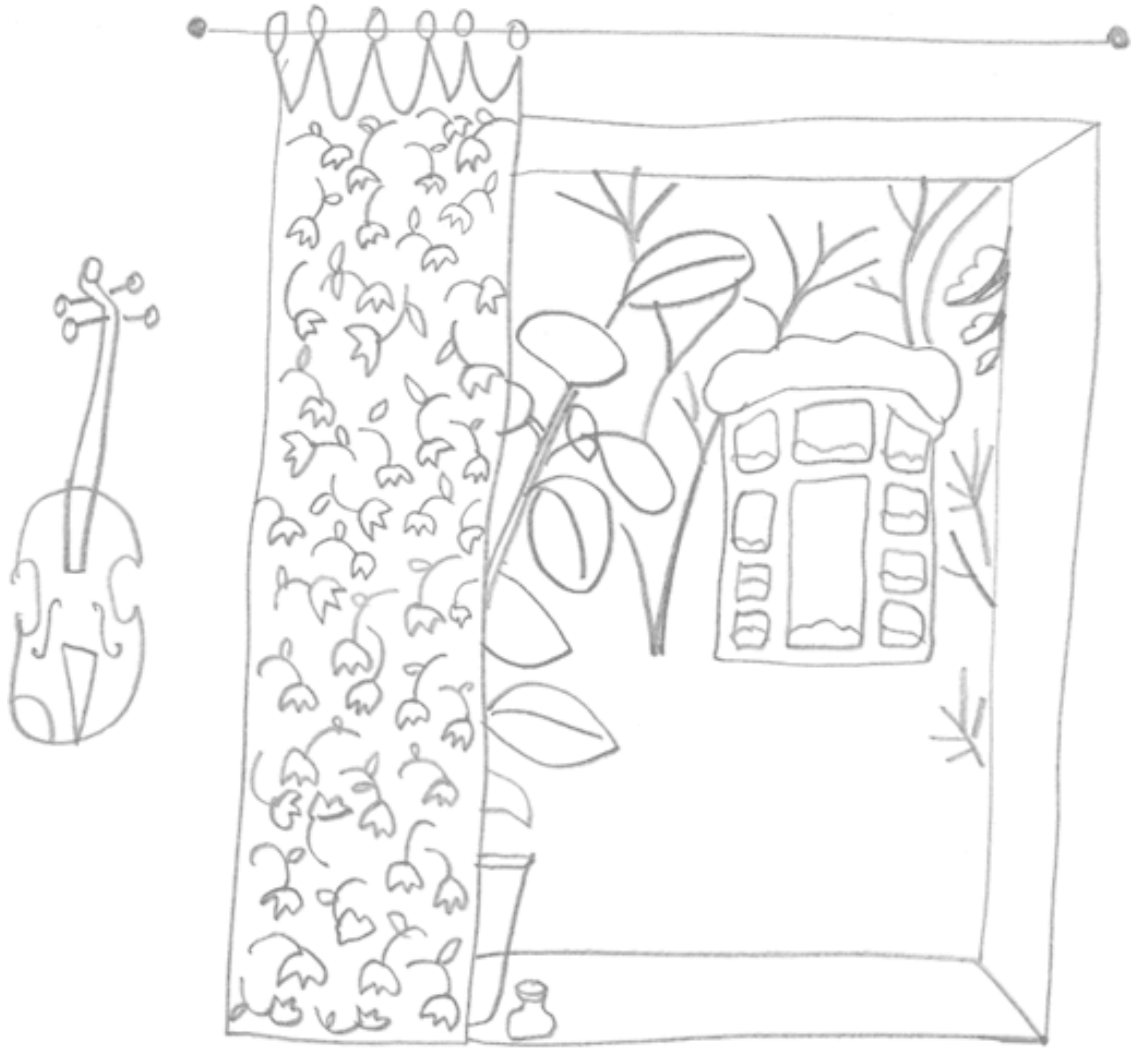
Хотя на самом деле Тоня знает, что не выбрала бы в лучшие друзья никого, кроме Гунвальда, даже если бы в каждом доме Глимердала имелось по ребенку десяти лет. Она любит Гунвальда так сильно, что у нее иногда щемит от этого сердце. Кстати, он ее крестный. Тоня считает, что папа с мамой проявили мужество, доверив огромному лохматому троллю нести ее к купели в день крестин. Если б Гунвальд был не в настроении, он легко мог разжать руки, и она бы шлепнулась прямо на каменный пол церкви. Когда на него находит, от него всего можно ждать, правда. И все-таки папа с мамой хотели, чтобы крестным был именно Гунвальд, и никто другой. Они положили Тоню в его огромные руки, и с той минуты он ее не бросает.

– Гунвальд, что бы ты делал без меня? – часто спрашивает Тоня.

– Я бы сам закопал себя в землю и сдох, – отвечает Гунвальд.

Завидев, что Тоня въезжает на лыжах во двор, Гунвальд биноклем отодвинул занавеску в сторону и высунулся на мороз. Он похож на слегка сутулого высоченного тролля. Раньше он был еще выше, просто ссохся в последние годы. Возраст, ревматизм и прочие дела, а к докторам он не ходит. Он до смерти боится врачей. К тому же стоит Гунвальду засунуть под губу табачку и прижать подбородком скрипку к плечу, как сил у него делается как у молодого быка. Нет лекарства лучше скрипки, говорит Гунвальд. Зачем нужен доктор, когда скрипка уже есть?

– Это было сальто? – спрашивает Тоня.

– Если это сальто, Тоня Глиммердал, тогда я лось! – хмыкает Гунвальд и спрашивает, обязательно ли Тоне приземляться каждый раз головой об землю, чтобы он непременно пугался, что она разбилась насмерть.

– Похоже, пока обязательно, – уныло отвечает Тоня.

В кухне Гунвальда у Тони есть свое место – у окна, свой крючок для шапки и своя кружка в шкафу. Гунда, черно-белая кошка Гунвальда, приходит потереться о ее ноги.

– Представляешь, у меня зимние каникулы. Э-эх. Помнишь, как было раньше?

– Когда раньше? – спрашивает Гунвальд и достает тарелку для Тони.

Гунвальд живет так давно, что «раньше» может означать какое угодно время.

– Тогда раньше, когда Клауса Хагена еще не было и у нас здесь был обычный нормальный кемпинг, – отвечает Тоня.

Да, это время Гунвальд отлично помнит.

– Что ни лето, там начиналось светопреставление, – говорит Гунвальд.

– Дети приезжали пачками, – говорит Тоня. – Иди себе в кемпинг и собирай детей как чернику, сколько влезет.

Гунвальд помнит и это.

Но потом появился этот мрачный зануда Хаген.

Он приехал, увидел Глиммердал и понял, что это потрясающее место. До того неповторимым показался ему Глиммердал, что он взял и купил кемпинг. Денег у этого Хагена куры не клюют. Он построил в кемпинге новые домики, навел там такую красоту, что Тоня и все прочие жители Глиммердала не могли нарадоваться. Закончив ремонт, он открыл кемпинг снова. «Кемпинг Клауса Хагена „Здоровье“ – самое тихое место Норвегии, – говорится в его рекламной брошюре на первой странице. – Те, кто ищет покоя и тишины, найдут их здесь».

Сначала Тоне всё очень нравилось. Приезжало много людей, ищущих покоя и тишины, а нет ничего приятнее, чем когда сюда в горы приезжают гости. Но одно обстоятельство озадачивало ее, и чем дальше, тем всё сильнее. Почему перестали приезжать дети?

Не в правилах Тони подолгу ломать над чем-то голову, поэтому она села на велосипед, поехала к Клаусу Хагену и так и спросила его:

– Слушай, Клаус Хаген, а почему в твой кемпинг никогда не приезжают дети?

– Потому что в мой кемпинг запрещено приезжать с детьми, – ответил ей тогда Хаген.

– Что-что? – переспросила Тоня.

– Гости кемпинга приезжают послушать, как шумят сосны и бурлит река, а не как плачут, орут и вопят дети, – ответил Клаус Хаген и посмотрел на свои часы.

Тоня стояла как громом пораженная. Ничего хуже этих слов Хагена она в жизни не слышала, решила Тоня. Но, как оказалось, она поторопилась с оценкой, потому что Клаус Хаген тут же легко побил свой прежний рекорд.

– Трулте, то, что я сказал о криках и воплях, касается и тебя тоже.

– Я Тоня, – поправила Тоня.

– Да. Тоня, зачем ты днями напролет голосишь песни? Давай прекращай!

Тоня от изумления прочистила пальцем ухо.

– Ты нарушаешь покой моих гостей, когда с песнями проносишься мимо кемпинга на велосипеде, – сказал Хаген и изобразил на лице вежливую улыбку.

– Ты хочешь, чтобы я перестала петь в собственной долине? – переспросила Тоня, желая убедиться, что поняла правильно.

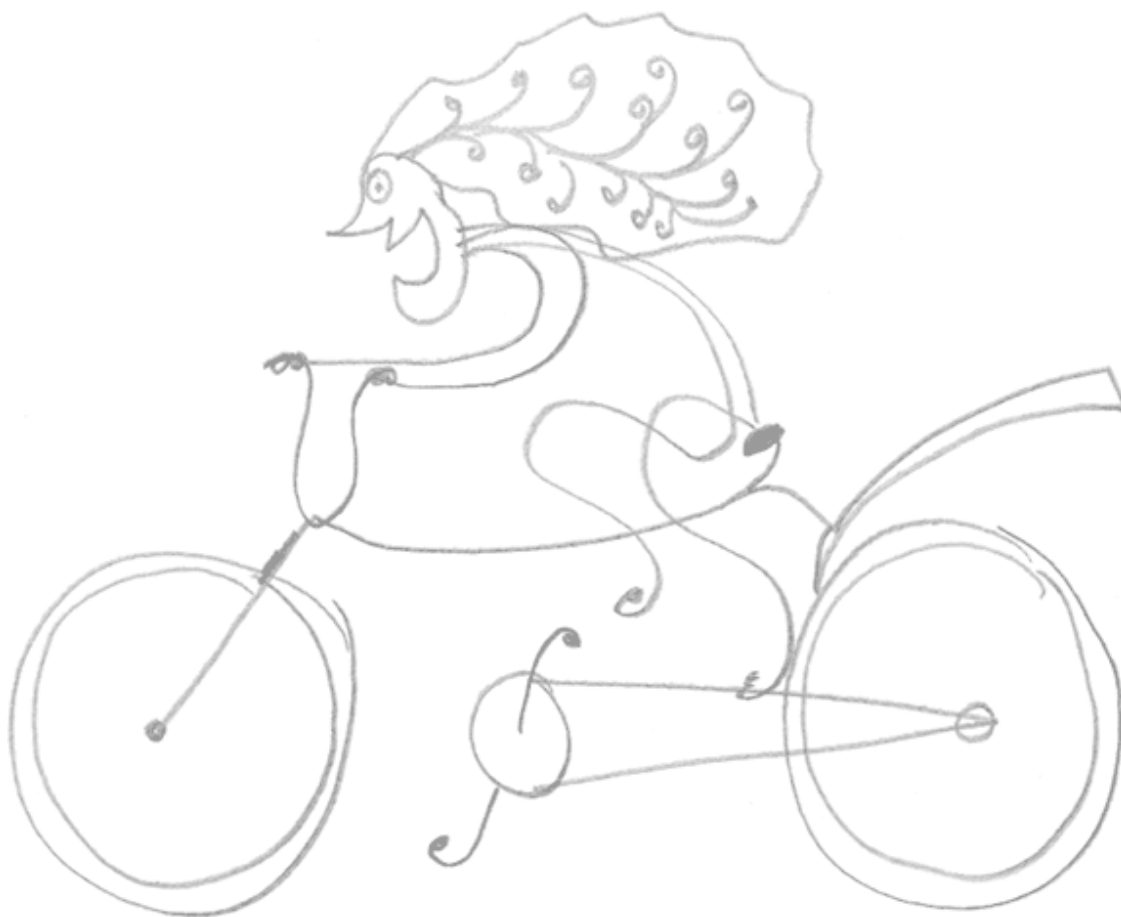
– Что значит «собственной», – буркнул Хаген раздраженно. – Я рекламирую свой кемпинг как самое тихое место в Норвегии, и будь любезна считаться с этим.

Тогда Клаус Хаген и совершил самую большую ошибку в своей жизни. Никому не дано безнаказанно запрещать грозе Глиммердала петь. Это Хагену сказал бы любой человек. Если бы он спросил, конечно.

– Извини, не могу, – ответила Тоня Глиммердал.

И поехала к себе наверх, распевая так, что молодые деревья вдоль дороги полегли до земли.

После этого случая Тоня петь не перестала. Даже стала петь еще больше, если хотите знать правду. Особенно когда она едет мимо кемпинга. Клаус Хаген – он смотрит на нее как на вредное животное, ну вроде того.

Осенью всё стало еще хуже, потому что Тоня имела несчастье разбить из рогатки окно в кемпинге. Вовсе не нарочно, ясное дело. Она целилась во флагшток. Такой чистый, звонкий звук, когда попадаешь во флагшток. И к тому же это очень трудно. Даже Тоня Глиммердал – и та иногда промахивается, когда стреляет по флагштоку.

– Ой, – сказала Тоня, когда зазвенело стекло.

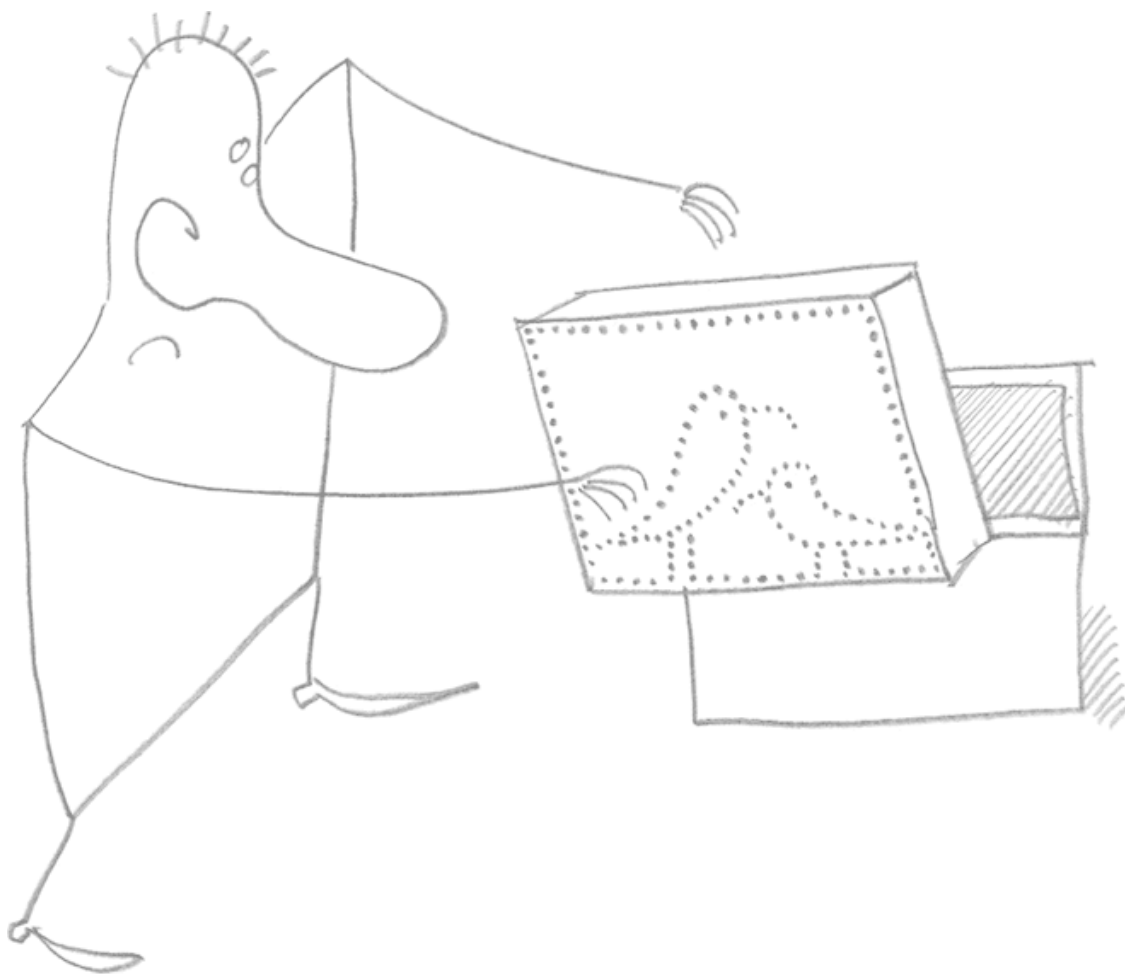
И быстро поехала домой и достала все деньги из копилки. Она положила их в красивую коробочку, которую они смастерили с Гунвальдом. И вручила коробочку Хагену вместе с глубокими и подробными извинениями.

Но этот Клаус Хаген не захотел взять коробочку! Вынул деньги, а ее саму вернул, скривившись.

– А это мне зачем? – сказал он.

Зачем-зачем! Мог бы хранить в ней деньги, раз их у него так много, подумала Тоня.

Клаус Хаген чихнул и закрыл дверь.

После того разговора Тоня сдалась и поняла, что пытаться подружиться с Хагеном – дело безнадежное. Потому что Хаген – одна большая безнадега, от макушки до пяток. Отказаться от такой коробочки! Ни один человек во всей Норвегии так бы не сделал! Она промучилась с аппаратом для выжигания всю субботу, чтобы нарисовать птичек на крышке.

– Он ничего не понимает в искусстве, – ответил Гунвальд, когда она рассказала ему всё.

– Он вообще ничего не понимает! – сказала Тоня сердито.

– Этот кемпинг – долина грусти, – говорит Тоня теперь. – Ни одного ребенка!

– Гунвальд, – продолжает она, – все-таки здорово, что я так оживляю твою жизнь, а то сидел бы сейчас и глотал обед совсем один.

Гунвальд усаживает свое длинное тело на стул, и в коленях и в локтях раздается хруст.

– Аминь, – говорит он негромко.

Они угощаются жареными котлетами, и жареным мясом, и жареными ребрышками, и Тоня думает: почему еда у Гунвальда гораздо вкуснее всякой другой еды, которую ей доводилось пробовать?

– Знаешь, что там готово к серийным испытаниям? – кивая на мастерскую, спрашивает Гунвальд внезапно, не успев подумать о том, чтобы надо бы сначала проглотить всё, что у него во рту.

Тоня кладет вилку на тарелку.

– Снегокат?

Глава третья, в которой первое испытание снегоката идет кувыркком и Тоне грозят полицией

Тоня и Гунвальд всё время затевают то одно, то другое. Но дело, которым они занимались всю зиму, это вам не хухры-мухры. Это дело стоящее, в этом уверены и Тоня, и Гунвальд. Они конструировали идеальный снегокат – устойчивый, как паром, быстрый, как мотоцикл, и красивый, как покойная бабушка Гунвальда. Если проект удастся, то еще до будущего Рождества они поставят производство этой модели на поток и загребут денег больше, чем даже у Клауса Хагена.

Идея возникла после того, как Тоня целый день каталась на простых санках.

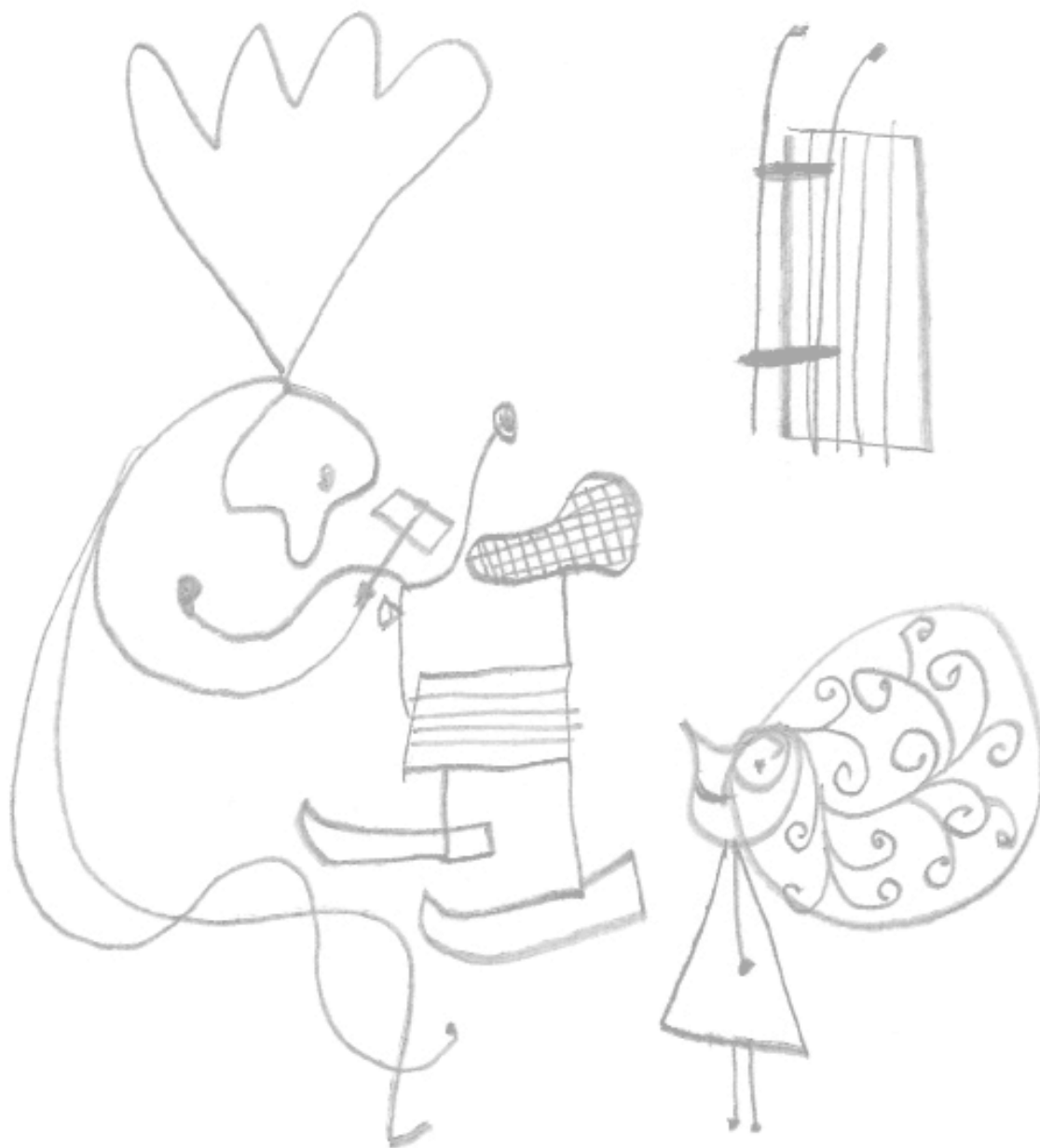
– Эти санки с места не сдвинешь, – пожаловалась она Гунвальду.

– Что с санок взять! – фыркнул Гунвальд. – Тебе бы снегокат с рулем и тормозом.

– А где берут снегокаты? – спросила Тоня.

– Настоящий хороший снегокат теперь и взять негде, – ответил Гунвальд.

Но ведь человеку нужен именно снегокат с рулем и тормозом, раз он правда самый лучший, настаивала Тоня. И была, на взгляд Гунвальда, совершенно права. Поэтому на другой день он поехал в город, загрузил там машину всякой всячиной и, вернувшись, принялся строгать, пилить и сколачивать не за страх, как говорят, а за совесть. Многого предстояло перепробовать и отвергнуть, прежде чем они найдут идеальный вариант. Они не могут запустить в производство какое-то барахло, если их сани будут носить гордое имя «Молния Глимердала».

Тоня обошла все дома в Глимердале и собрала все старые санки. Нужно учиться на ошибках прежних производителей, утверждает Гунвальд.

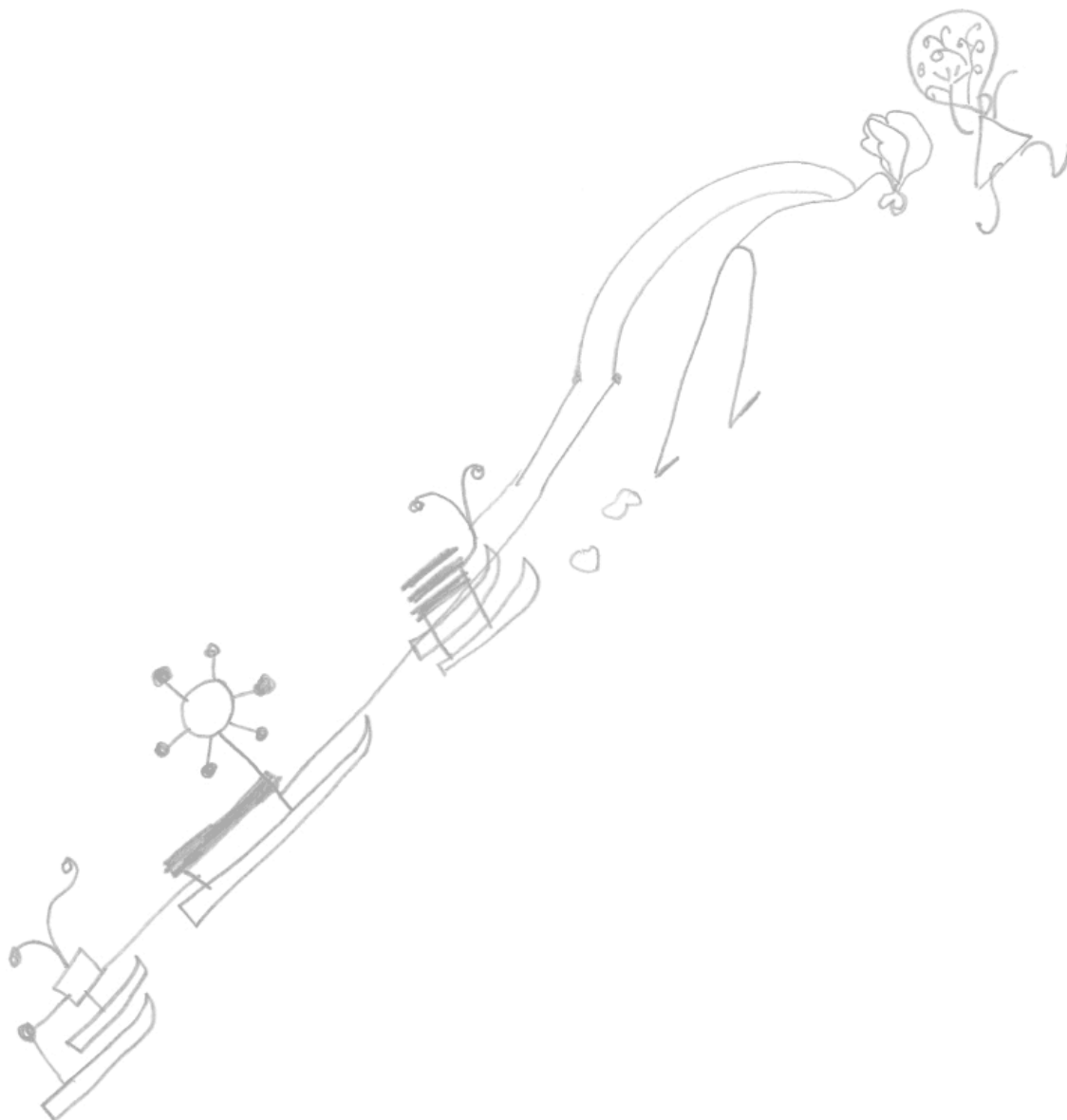
– Как там дела со снегокатом? – интересуются соседи.

– Двигутся, – отвечают Тоня с Гунвальдом, и больше ни гу-гу.

Но последние несколько дней Тоня не заглядывала в мастерскую. Уж больно много было других забот. И сейчас она прямо ахнула от радости, когда Гунвальд распахнул дверь и она увидела в мастерской рядом со шлифовальным станком три почти готовых снегоката.

– Теперь нам нужен испытатель. Желательно ребенок, – скороговоркой пробормотал Гунвальд, покосившись на Тонию – единственного ребенка в Глимердале.

Три снегоката на горе, в начале спуска длиною в несколько километров – это такое потрясающее зрелище, хоть оперу пиши. Гунвальд дрожит от нетерпения, пока Тоня застегивает свой велосипедный шлем.

– К концу зимы наши снегокаты будут доезжать до моря, готов поспорить на мой кисет, – говорит Гунвальд.

Тоня разевает рот. До моря? Это четыре километра с подъемами, ровными местами и прочими сложностями. Неужели сани могут уехать так далеко? Могут, уверен Гунвальд, но не сразу. Сперва надо их испробовать, а потом всё обмозговать.

Тормоза бывают двух типов. На одном снегокате – ручка, за которую Тоня должна тянуть, на втором – ножной тормоз.

– А тут чего? – спрашивает Тоня, указывая на третий снегокат, вообще без тормоза.

– Вот выясним, какой тормоз лучше, и поставим его на эти сани – у них самые роскошные полозья, – отвечает Гунвальд, потирая руки.

Он усаживает Тоню на первые сани.

– Они могут плоховато вписываться в повороты. Не беда – сейчас меня интересуют тормоза, – поясняет он в свое оправдание.

Тоня берется за руль, а Гунвальд включает рацию: они должны предупредить Петера, что Тоня стартует, – Петеру надо успеть перекрыть движение.

Это тот самый Петер, что живет в доме с экскаватором. Он дружит с Тоней и Гунвальдом и любит тетю Идун. Это тетя Эйр сказала. Но Петер такой робкий, что не дает роману хода. Просто любит тетю Идун и молчит – и так год за годом. Свихнуться можно, глядя на всё на это, говорит Гунвальд.

– Испытатель готов. Отбой, – гремит Гунвальд в свою рацию.

В ней что-то трещит и скворчит, но потом пререзается голос Петера:

– Движение остановлено. Отбой.

– Внимание! Марш! – командует Гунвальд, и прежде чем Тоня успевает собраться, старик с недюжинной силой толкает снежок вниз.

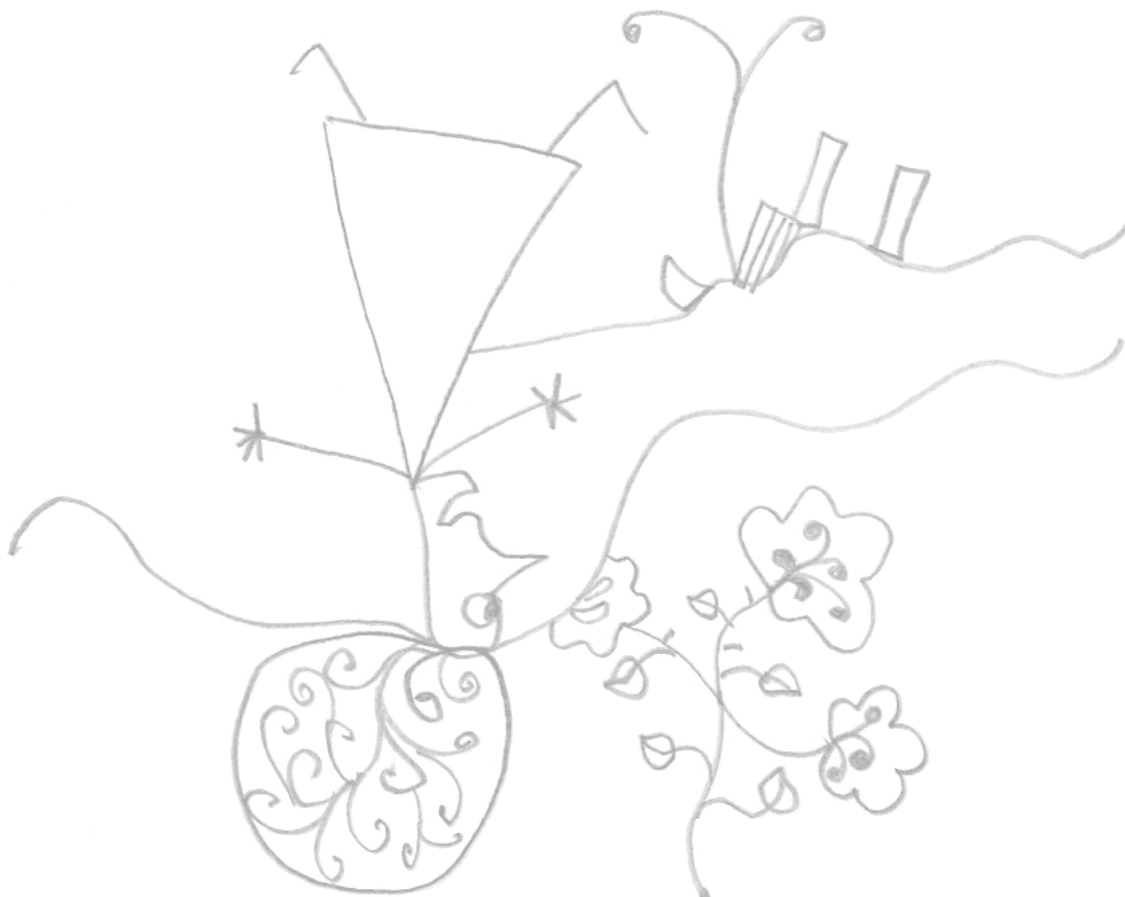
Снежок – это вам не санки. Тоня оказывается у моста быстрее, чем успевает подумать слово «мост». Она лихорадочно ищет ногой педаль. Вот она! Тоня давит изо всех сил. Пере-старалась! Сани заносит, они ложатся на бок и пролетают мост на одном полозе. Тоня пытается выровнять сани, но только заваливается на другой бок. Сани не слушаются ее.

– Вау-у-у! – вопит Тоня. Пробный спуск не успел еще толком начаться, а Тоня и сани взлетают в воздух, как две диковинные птицы, и, описав длинную дугу, с громким чпоком шмякаются в снежную пудру.

Второй раз за сегодняшний день Тоня, лежа глубоко под снегом, пытается определить, жива ли она. Лицо сильно саднит.

Значит, жива, решает Тоня – и с трудом высовывает наружу голову.

Свет снаружи рассекается двумя тонкими ветками. Теперь Тоне ясно, что так кололо ей лицо. Это розы Салли. Они дремали себе под снегом, не чуя беды, и тут откуда ни возьмись прилетела Тоня и, не пощадив себя, решительно пробудила их от зимней спячки. Тоня просовывает голову между ветками розовых кустов и видит саму Салли. Та держит в руках коробку с лекарствами и с подозрением смотрит на не поместившиеся под снег сани.

– Господи, ну что ты теперь придумала? – спрашивает она.

– Мы с Гунвальдом проводим испытания, – объясняет Тоня, высовывая из глубокого сугроба правую руку. – Это не опасно.

– Ну да, рассказывай! – ворчливо говорит Салли. – Ты, главное, шею не сломай. Тоня обещает постараться не ломать.

– Салли, пока!

– Дурацкий снежокат, – говорит Тоня, дотащившись наверх до Гунвальда.

– Это пилот дурацкий, – отвечает Гунвальд.

– Лучше б научил! – сердито кричит Тоня.

И пока солнце движется к Большой Морде, Гунвальд вспоминает все свои былые познания в управлении санями с рулем и тормозом. Довольно много ценных сведений, кстати.

– Ну как там испытатель? Отбой! – просыпается вдруг рация.

– Она готова к старту! – кричит Тоня.

– Отбой, – добавляет Гунвальд.

Рация молчит, потом спрашивает:

– Мне открывать движение или как? Отбой.

– Ни в коем случае! Отбой и старт, – говорит Гунвальд и решительно усаживает Тонию на сани номер два. Они короче прежних.

– Эти поедут лучше, – обещает Гунвальд. – И ты тоже.

Тоня едва успевает сообразить, где тормоз, как Гунвальд сильно толкает сани.

О, имбирь, перец и гвоздичка, это совсем другие пряники! С этим снегокатом Тоня отлично управляется. Он слушается ее как миленький. Перед мостом она ловко тормозит ногами, как учил Гунвальд, и сани не заносит.

Салли вышла к дороге, Тоня проносится мимо на такой скорости, что юбка у Салли встает колоколом.

– Хей-хо, Салли! – кричит Тоня. – Живы будем – не помрем! – кричит Тоня и наклоняется вперед.

Санки на свалку! Да здравствует р-р-реактивный снегокат! В сказочном лесу путь несколько раз преграждают комья снега, у которых кончились силы держаться на ветвях, но Тоня прорывается сквозь все преграды. Сама собой рождается санная песня:

Глимердал гремит, грохочет,
Снегокат по горке скочет.
На пути он всё топочет,
Тормозить никто не хочет.

Показался кемпинг «Здоровье», и Тоня запела еще громче:

Девяносто выжимает,
На дорогу вылетает.

Она успела заметить Клауса Хагена – тот шел из конторы в один из домиков.

На дорогу вылетает,
Посередке пролетает,
Никого не замечает,

– пропела она и понеслась дальше.
Вскоре вдали показался Петер.

Вжик – и санки тормозят,
Вау, их заносит!

Сделав красивый поворот, отчего снежинки заплясали в последних лучах солнца, Тоня остановилась в сантиметре от черного армейского башмака Петера.

– Привет-распривет, – сказала она, поднимаясь с саней.

Тело затекло от долгого сидения в одной позе. Петер аккуратно отодвинул ее на обочину. За ним выстроился длинный хвост машин. Они ждали здесь с той минуты, когда она начала испытание первых саней. С тех пор прошло немало времени.

– Хорошо еще, они думают, что я ремонтирую дорогу, – Петер кивает на землечерпалку. – Они едут в кемпинг Хагена на выходные.

Точно, сегодня же пятница, вспоминает Тоня. Она заглядывает в каждый автомобиль. Все сплошь пожилые пары, любители лыжных прогулок. Тоня вздыхает. Здесь целый Глимердал со снегом и санными спусками, но ни один ребенок не имеет права порадоваться этому на каникулах. Позорище, да и только.

Пока коричневая «вольво» Петера прыгает по снежным надолбам всю дорогу вверх на хутор к Гунвальду, Тоня рассказывает, что они с Гунвальдом работают над санями, которые будут доезжать аж до моря.

– Полозья он уже делает отличнейшие, – говорит Тоня, глядя в окно на сугробы вдоль дороги и хлопья падающего снега. И резко замолкает: посреди дороги, как разбуженный овцебык, топчется Клаус Хаген.

Петер притормаживает и останавливается. Стеклоподъемник сломан, поэтому Петер открывает дверцу. Она ударяет Хагена в живот.

– Что за дорожные работы вы придумали? – гремит Хаген. – Мои гости говорят, что им пришлось час стоять и ждать.

Петер прокашливается.

– Идиот, ты хочешь, чтоб я заявил на тебя в полицию?! – орет Хаген.

Тоня подается вперед.

– Называть людей идиотами нельзя, – говорит она и смотрит на Хагена своим самым строгим взглядом.

– Нет, можно, если это правда! – орет неумный Клаус Хаген. – А тебя, Трулте, это касается в первую очередь! Если я еще раз увижу, что ты едешь на санях по дороге, тут же позвоню в полицию!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.